

Он забрал вещи и прошел на кухню. Едва он, по привычке, аккуратно разложил продукты на столешнице, как следом вошел Чу И.

— Это просто, помощь не нужна, — сказал Янь Хан.

— Угу, — Чу И присел на корточки и потянул за «Камешек» на его щиколотке. — Я заберу, чтобы просверлить. Сделать дырочку.

— Оу, — отозвался Янь Хан.

Чу И достал из кармана маленькие ножницы, перерезал затянутый намертво красный шнурок и снял камень.

Янь Хану внезапно стало как-то не по себе.

На самом деле «установление некой связи» — штука удивительная. Когда её нет, человек тревожится, словно почва уходит из-под ног, но когда она появляется, начинаешь тревожиться точно так же.

Страх потери. Страх, что всё оборвется.

Чу И сидел на диване рядом с папой и, опустив голову, старательно сверлил тот самый черный камень.

На руке у папы уже красовался красный камень, и он с живым интересом наблюдал за стараниями Чу И.

Инструменты у Чу И выглядели довольно профессионально: он использовал ручное сверло, закрепив камень в небольшой черной подставке, и медленно, вращая сверло рукой, пробивал крошечное отверстие.

— Ты сверлишь крест-накрест, — сказал папа, — как ты собираешься сделать дырочки параллельными?

— Я отмерил, — Чу И продолжал крутить сверло.

— Чем отмерил? — спросил папа. — Я не видел, чтобы ты что-то измерял.

— Своими большими... глазами, — Чу И указал на себя.

— Дурёха, — папа рассмеялся.

Янь Хан вынес приготовленные сэндвичи и поставил на журнальный столик:

— Ешьте. Ты чего так рано прибежал, случилось что?

— Собираюсь на рынок, бабушке, бабушке купить тазик для ног, — Чу И, увидев сэндвичи, тут же отложил работу и потянулся за едой. — Красиво.

— Эй, — Янь Хан шутливо щелкнул его по тыльной стороне ладони. — Руки вымой.

— О, — Чу И рассмеялся, потер руку и пошел на кухню мыть её.

Доев второй сэндвич, Чу И с удвоенным рвением взялся за дело и быстро просверлил черный

камень, продев его на новые красные шнурки.

Янь Хан завязал камень обратно на щиколотке. Тревога немного улеглась, но он, помедлив, спросил Чу И:

— А тот шнурок где?

— Перерезал, ага, — Чу И смотрел на его щиколотку.

— Отдай мне, я хочу... сохранить его, — произнеся это, Янь Хан внезапно почувствовал неловкость, словно он какая-то кисейная барышня.

Папа даже взглянул в его сторону.

Чу И отдал ему обрывки красной нити. Янь Хан хотел было унести их в комнату, чтобы спрятать, но счел это слишком странным. Поколебавшись, он просто положил шнурок на телевизор.

— Я в обед при, приду, ладно? — спросил Чу И, когда собрался уходить.

— Хорошо, заодно пообедаешь с нами, Янь Хан в обед не вернется, — сказал папа.

— Я принесу поесть, — добавил Чу И, открывая дверь.

Не дожидаясь ответа, он выбежал наружу.

— С чего это у него деньги на еду? — спросил папа, глядя на Янь Хана.

— Посмотрим, что принесет, — усмехнулся Янь Хан. — Пусть приносит, а то, если не давать ему тратить деньги, он будет мучить вас, каждый день вытаскивая по именному камню.

Папа несколько раз рассмеялся и откинулся на спинку дивана:

— Я после обеда схожу кое-куда...

Янь Хан как раз собирался отнести тарелки на кухню, но, услышав это, замер и обернулся к папе.

— Просто прогуляюсь. Я к тому, что тебе сегодня не нужно покупать продукты, я сам принесу, когда буду возвращаться, — сказал папа.

— Угу, — отозвался Янь Хан и ушел на кухню.

Это был первый раз, когда папа предупредил его перед уходом и даже сказал, когда вернется.

Однако Янь Хан не почувствовал спокойствия от этой определенности, скорее наоборот — занервничал.

Он уперся руками в столешницу, опустив голову, и долго не мог прийти в себя.

Он достал из кармана сигарету. Когда он начал искать зажигалку, папа внезапно протянул руку из-за спины и чиркнул своей.

Янь Хан прикурил, повернулся к папе:

— Когда мы уходим?

Папа посмотрел на него, помолчал немного и улыбнулся:

— В этот раз ты решаешь.

Янь Хан ничего не ответил, зажав сигарету в зубах и глядя в окно.

На работу сегодня Янь Хан почти бежал — нужно было выплеснуть эмоции, иначе, нарвись он на болтливого клиента, он боялся, что может сорваться и ударить человека.

Впрочем, в выходные народу было особенно много: как только он переоделся, к ним сразу нахлынуло несколько компаний, и поток не прекращался до самого полудня.

Когда работаешь в таком темпе, чувства притупляются.

Вот только в обеденный перерыв аппетита не было. Он выпил стакан молока и сидел, слушая, как коллеги едят и болтают.

Телефон вибрировал. Пришло сообщение от Чу И.

Он открыл его.

На фото Чу И стоял перед боксерской грушей, с серьезным видом принимая боевую стойку. Янь Хан невольно заулыбался.

— Куда это тебя папа утащил?

— В спортзал!

Янь Хан буквально почувствовал, как восторг Чу И выплескивается через этот восклицательный знак.

Папа время от времени ходил в спортзал, а если его не было рядом, отправлялся в фитнес-клуб. Каждый раз он возвращался, только когда выматывался до предела.

Раньше Янь Хан думал, что папе это просто нравится. Теперь же понимал: ту боль, что папа держал в себе, можно было выплеснуть только с помощью таких колоссальных физических нагрузок.

— Научил каким-нибудь крутым приемам? — ответил Янь Хан.

— Научил бить, и еще как блокировать удары, — — Скоро научит бить ногами, — — Дядя Янь такой крутой!

Чу И отправил три сообщения подряд. Печатать на телефоне у него выходило куда быстрее, чем разговаривать.

«Тогда тренируйся хорошенько, вечером покажешь», — отправил Янь Хан голосовое сообщение с улыбкой.

— Я боюсь тебя поранить.

Янь Хан посмотрел на сообщение и долго смеялся, уткнувшись в телефон:

«Хвастаться у тебя выходит лучше, чем говорить. Если сможешь попасть по мне хотя бы раз — считай, я проиграл».

В этот раз Чу И не стал ничего отвечать, просто прислал эмодзи.

— [Силач]

Янь Хан ответил тем же.

— [Аплодисменты]

Во второй половине дня коллега попросил подменить его, и Янь Хан согласился, уйдя с работы пораньше.

На самом деле, для него не было никакой разницы — рабочий день или выходной: вчера, сегодня, завтра, в какой-то из дней.

Вернувшись домой, он застал пустоту. Некоторое время он сидел на диване, глядя в одну точку, а потом забрал с телевизора красный шнурок и спрятал его в потайной отдел своего чемодана.

Там уже лежало кое-что: половинка порванного браслета и листок бумаги, исписанный кружочками и точками, где они с папой играли в «гомоку».

Полежав немного в кровати и полистав ленту в телефоне, он отправил Чу И сообщение с вопросом, где находится спортзал.

Чу И быстро прислал геолокацию. Янь Хан не успел даже рассмотреть, как телефон зазвонил — Чу И сам набрал его:

— Ты уже осво, освободился?

— Поменялся сменой, — сказал Янь Хан. — Сейчас приеду к вам.

— Садись на авто, автобус... — голос Чу И прерывался, должно быть, тренировка была в самом разгаре.

— Я на такси, — сказал Янь Хан. — Тренируйся усерднее, как приеду — тебе конец.

Чу И рассмеялся:

— Пощади, богатырь!

— Когда просишь о пощаде, даже не заикаешься? — Янь Хан вышел из дома.

— Боюсь, что если начну за, заикаться, не успею договорить, как меня уже уло, уложат на пол, — ответил Чу И.

Сидя на заднем сиденье такси, Янь Хан закинул ногу на ногу и постукивал пальцами по черному камню на щиколотке.

Ему нравился Чу И. Это было не связано с тем, были ли у него раньше «друзья». Просто Чу И казался ему интересным человеком, и зачастую стоило Янь Хану с ним поговорить, как настроение само собой улучшалось.

Но после того, как вчера он увидел, как меняется лицо отца Чу И, каждый раз при мысли о нем или при встрече с ним, на душе становилось тревожно.

Эта тревога билась в такт пульсу, и казалось, что она разливается по венам вместе с кровью, которую качало сердце.

— Мужик, — Янь Хан обратился к водителю, — можно закурить?

— Кури, без проблем, — ответил водитель. — Только окно приоткрой.

— Спасибо.

Янь Хан закурил.

В последние дни он курил слишком много. Раньше папа бы обязательно сделал ему замечание. Он тихо вздохнул, глядя на проплывающие мимо незнакомые улицы.

Когда он приехал в спортзал, Чу И вовсю лупил по груше. Он был настолько сосредоточен, что не заметил, как Янь Хан подошел вплотную.

В тот момент, когда Чу И нанес удар ногой, Янь Хан резко шагнул вперед, правой рукой толкнул его под колено, а левой подхватил за подбородок и дернул назад. Чу И тут же взлетел в воздух и рухнул на маты.

Не успел он подняться, как Янь Хан уже присел рядом и ткнул пальцем в лоб:

— Бах.

<http://bllate.org/book/18095/1738887>